

Повествовательные стратегии «волшебной повести»

М. М. Хераскова «Бахариана»

Стихотворная сказочная повесть «Бахариана, или Неизвестный» (1803) — одно из последних крупных произведений М. М. Хераскова. Она не пользовалась особым вниманием издателей и исследователей, что можно объяснить литературной репутацией автора, который уже в начале XIX в. воспринимался как литератор прошлого, уважаемый, но малочитаемый. Тем не менее позднее творение М. М. Хераскова показывает его непрекращающееся развитие.

Уже в названии «волшебной повести» подчеркивается важность авторского начала: «бахарь», т. е. сказитель, выдвигается на первый план. С одной стороны, это отсылка к народной традиции (полное авторское жанровое определение произведения — «волшебная повесть, почерпнутая из народных сказок»), к той манере повествования, которую В. К. Тредиаковский считал наиболее подходящей для эпической поэмы: «Течение слова в Ироической Пииме долженствует быть всеконечно и всемерно бахарское» [8, с. XLVII]. С другой стороны, слово *бахарь* применительно к поэту могло иметь и пренебрежительный оттенок. Например, в поэме М. М. Хераскова «Пилигримы» (1795) один из персонажей, Нарциз, возгордившись своим умом, презрительно отзывался обо всех мудрецах и гениях, в частности, «Гомера бахарем в Ильяде называл» [10, с. 284]. В более ранних поэмах Хераскова поэт, как правило, предстает в куда более почетной роли песнопевца, прославляющего царей и героев.

В романе «Кадм и Гармония» (1789) поэты наделены пророческим даром и дают правителям мудрые советы. В «Полидоре, сыне Кадма и Гармонии» (1794) появляются новые оттенки в их изображении. В нем выведен престарелый слепой мудрец Офар, удалившийся от мира. В свое время он описал историю родителей главного героя и критиковал себя за то, что его творение получилось прямолинейно назидательным. «Нравочения скучны суть юности, коей однако наипаче полезны и нужны быть долженствуют» [11, с. 111]. Офар вынужден заметить, что его соотечественники, фессалийцы, стали отдавать предпочтение поэзии вычурной

и служащей только для развлечения, не выражающей возвышенных чувств и мыслей; очевидно, что М. М. Херасков вкладывает в уста героя собственные размышления о литературе, своем месте в ней и отношении к ней современников.

В «Бахариане» также присутствуют утверждения о недостижимости задачи исправления нравов с помощью словесности и заявления об отказе от намерения поучать публику. Автор, в соответствии с канонами избранного легкого жанра, предстает краснобаем, дружески беседующим с читателем, забавляющим его необычайными приключениями рыцаря Ориона (Неизвестного) и его возлюбленной Феланы. Свою стихотворную повесть он публикует без указания своего имени, не желая вызывать ассоциации с ранее написанными им знаменитыми произведениями (хотя в тексте и упоминается, что автор неоднократно упражнялся в написании стихов и прозы).

В качестве адресатов иногда выступают представители ближайшего окружения повествователя: «О! мои друзья и ближние, / Сядьте вокруг меня, и слушайте!» [9, с. 129]. Однако такое сужение аудитории, под которой в большинстве случаев подразумеваются все интересующиеся сказками, скорее способствует сокращению дистанции между автором и читателями.

В целом манера повествования в «Бахариане» типична для нарративной поэзии конца XVIII в., для которой, как и для прозы этой эпохи, характерны установка на диалог с читателем, интонационная игра, многочисленные авторские отступления, даже «болтовня» [4, с. 149]. Присутствуют и характерные для жанра композиционные особенности, в частности, «рассказы в рассказе» (истории второстепенных действующих лиц). Позднее произведение Хераскова, отличающееся ритмическим разнообразием, непринужденностью повествования, многочисленными отступлениями, доказывает способность поэта непрерывно совершенствоваться.

«Бахарь», повествующий о подвигах и приключениях Неизвестного, — образованный ценитель книг, на досуге забавляющийся сочинением сказок. Писательское творчество он оценивает как способ времяпровождения, наиболее достойный просвещенного человека, не любящего охоту, пиры, балы и прочие суетные развлечения; выбор сказочного жанра, по его заявлениям, обусловлен разочарованием в возможности улучшить нравы с помощью поучений.

Несмотря на заявленную в подзаголовке фольклорную основу, автор не стремится придать своему творению национальный колорит. Действие

«Бахарианы» разворачивается в условном фантастическом пространстве, в котором рыцари Круглого Стола соседствуют с Ерусланом и Ильей Муромцем, а Царь-Девца оказывается одной из ипостасей колдуньи Злудумы. Херасковский «бахарь» творит собственный мир, свободно переплетая мотивы, заимствованные из широкого круга разнородных источников. Это античная литература, поэмы Т. Тассо и Л. Ариосто, прециозные романы с их любовной географией (глава об «острове испытания», куда ревнивые влюбленные посылают возлюбленных, чтобы проверить их верность) и др.

Среди многочисленных отступлений, касающихся литературы, присутствует упоминание о недавно обнаруженном и напечатанном «Слове о полку Игореве». М. М. Херасков в 1795 г. получил от А. И. Мусина-Пушкина рукописную копию «Слова» [7, с. 2] и упоминал его уже в комментариях к очередному изданию своей поэмы «Владимир» в 1797 г.; по его мнению, обнаружение и публикация «Слова» стали крупнейшим литературным событием недавнего времени. О неизвестном авторе «Слова» М. М. Херасков говорит: «Важный в нем Гомер и Оссиан / С Ломоносовым сливаются» [9, с. 127]. Несмотря на восхищение «живым, важным и чувствительным» образцом древнерусской литературы и архаизирующее название повести, стилистически она соответствует новым веяниям поэзии начала XIX в. Автор нередко прибегает к сравнениям, заимствованным из современности, затрагивает широко обсуждавшиеся темы. Так, когда герой пытается догнать улетающего на крылатом коне колдуна Злунга, повествователь отмечает: «Не был смелый он Бланшар, / Тот, которого чрез море, / Будто ветром змея, вскоре / Перенес воздушный шар» [Там же, с. 236]. О действии волшебного цветка говорится: «Сила из цветка исторглася, / Будто бы электризация» [Там же, с. 20].

Повествование нередко иронично, сравнения, используемые автором, снимают драматическую напряженность сюжета: так, во время битвы «гонит —рыцарь за другим, / Будто бабочки средь лета» [Там же, с. 239]. Ирония, присутствующая в «Бахариане», чаще всего направлена на самого повествователя, точнее, на принципы построения волшебной повести, а также на литературную моду, в частности, на предромантическое увлечение ужасным: «Надобно пугать читателей, / Кто романом хочет нравиться; / Нынешнего века вкус таков, / Хоть не свойствен Неизвестному» [Там же, с. 413]. В достаточно легкомысленной форме автор отзывается и о формальной стороне процесса создания поэтического произведения: «К добру, не знаю, или к худу, / Где стих ложится — рифма

тут, / Кидается и льнет повсюду, / Как в играшках народных шут» [9, с. 93]; «Где будут надобны перуны, / Гремущку там употреблю» [Там же, с. 92].

М. М. Херасков постоянно подчеркивает условность повествования: «Наш герой крылами правит. / Прав, кто бредом это ставит». Однако следующая же фраза меняет тональность: «Ах! Но где же бреда нет? / Кажется, весь бредит свет, / В сказках, в новостях, в ученьях, / Чаше бредит в увереньях» [Там же, с. 238]. Таким образом, вымыслы «бахаря» предстают менее лживыми, нежели многие слова, претендующие на истинность и серьезность.

Правомерно провести параллель между «Бахарианой» и близким к ней по жанру «Ильей Муромцем» Н. М. Карамзина. Н. М. Карамзин в зачине своей поэмы призывает «богиню света белого — ложь, неправду, призрак истины» [3, с. 175] как музу, вдохновляющую на написание сказки. Во вступлении к «Бахариане» поэту является волшебница Фантазия, призывающая его не стыдиться писать небылицы. В их описаниях даже совпадают сравнения: «Ты, которая как бог Протей / Всякий образ на себя берешь» [Там же, с. 174]; «То растет она, то малится, / Всемигунно изменяется, / Будто бы Протей Виргилиев» [9, с. 10] И у М. М. Хераскова, и у Н. М. Карамзина присутствуют рассуждения о царящем в мире произволе, которому противопоставляется безвредный сказочный вымысел. В то же время авторы ставят перед собой разные задачи, исходя из своего понимания предназначения творчества. Н. М. Карамзин делает попытку создания героической волшебной сказки на русском материале и стремится на время отвлечь читателей от неприглядной действительности, погрузив их в мир сказочных подвигов. Он призывает их: «На минуту позабудемся / В чародействе красных вымыслов!» [Там же, с. 173]. М. М. Херасков, в жизни которого большую роль играло масонство, мистически настроенный и самоуглубленный, старается не просто развлечь, доставить эстетическое удовольствие, но заставить читателя приглядеться к собственному внутреннему миру, задуматься о самом важном, по его глубокому убеждению, для каждого человека — о самопознании и самосовершенствовании.

В заключительной, 14-й главе, «которая бы должна быть первою», автор раскрывает аллегорический смысл своей повести: Фелана — непорочность, мудрец Макробий — «чистое просвещение», злые волшебники — искушения и страсти, Неизвестный — человек, вставший на путь добродетели. Он обращается к читателю: «Вображая Неизвестного, / Ты, читатель, сам войди в себя; / Рассмотря свои деяния; / Собственные приключения» [9, с. 435]. Знаменательно, что в эту финальную главу автор

переносит не только истолкование иносказания, лежащего в основе сюжета, но и рассказ о детстве героя и событиях его биографии, предшествовавших его встрече с Феланой, а также о его подвиге, последовавшем за его воссоединением с возлюбленной, — об освобождении им родной Лицерны от злых чар. На наиболее поверхностном уровне эта особенность композиции усиливает занимательность повествования. Рассказчик не представляет читателям своего персонажа, а сразу дает изображение печального рыцаря, внутреннее состояние которого контрастирует с радостной картиной природы, что придает таинственность образу героя, сохраняющуюся почти до конца повести. За этим следует эффектный эпизод встречи Неизвестного с прекрасной девушкой, преследуемой злой колдуньей. На идейном уровне такое построение подчеркивает первостепенную важность появления стремления к истинной добродетели для духовной биографии каждого человека. Обретение Неизвестным имени после прохождения им испытаний и преодоления искушений символизирует возвращение к подлинному себе путем познания себя и самосовершенствования, приближение к соответствию изначальному божественному замыслу о человеке.

Духовное возрождение, по мысли масона Хераскова, является важнейшей целью жизни человека, а также обязательным условием для принесения пользы обществу. Не случайно «волшебная повесть» не заканчивается воссоединением Феланы и Ориона (настоящее имя Неизвестного, которое открывается только после прохождения им многочисленных испытаний). Герой, обретя личное счастье, возрождает родную страну, избавляя ее жителей от власти чернокнижников. Автор «Бахарианы» не отрицает возможности улучшения общества и считает, что прийти к нему можно лишь через индивидуальное моральное самосовершенствование конкретных людей, которому может способствовать и литература. Художественные образы воздействуют более сильно, чем отвлеченные рассуждения, однако для их полноценного восприятия необходимо умение читать вдумчиво. «Бахариана» адресована в первую очередь читателю, вряд ли привыкшему глубоко проникать в замысел художественного произведения, однако готовому перейти на иной уровень и нуждающемуся в подсказках. Поэтому автор расшифровывает как основную мысль повести, так и многие конкретные «чудесные» эпизоды, что подчеркивает условность повествования и в то же время его глубину.

Так, например, комментируются сцены с превращением людей в животных: «Не дивитесь чудесам таким, / Существует в мире волшебство / Чернокнижное, зловедное, / Смертных роду чуть не общее, /

Превращающее в скот людей, / То есть, воля буйная страстей; / Или наше самолюбие» [9, с. 456]. В одной из глав Неизвестный бьется со стадами воронов, которые на самом деле являются материализовавшимися «черными мыслями» колдуньи Злодумы, и повествователь показывает соответствия этому фантастическому образу в реальной жизни: «Злочестивость жен лукавых, / Каверзы друзей неправых, / Будто хищных птиц стада, / Рвут невинность завсегда» [Там же, с. 167]. Впрочем, автор не дает толкования всех деталей текста, иногда ограничиваясь напоминанием о том, что его не следует понимать дословно, предлагая читателям самостоятельно подумать над символическим значением прочитанного: «Может быть, иносказанье / Есть в моем повествовании!» [Там же, с. 213]; «Может быть и ты, читатель мой, / Что такое значит дом из карт, / Отгадаешь сам, подумая» [Там же, с. 303].

В «Бахариане» иносказательные образы органично вписываются в авантюрно-фантастический сюжет. В этом ее отличие от чисто аллегорических масонских произведений, в частности, от насыщенной алхимической символикой повести «Хризомандер», в которой описания превращений персонажей для неподготовленного читателя лишены логики, даже «сказочной». Исследователи отмечали характерную для произведений М. М. Хераскова многоплановость, позволяющую воспринимать его тексты как профанам, так и – на более глубоком уровне — посвященным в масонскую премудрость [1, с. 130]. «Бахариана» может читаться и как повествование о моральном совершенствовании любого человека, и как описание пути адепта инициатического культа. В то же время М. М. Херасков старается не допустить прочтения своей «волшебной повести» как чисто развлекательного текста.

В XVIII в. волшебнo-рыцарская литература пользовалась популярностью, однако не воспринималась всерьез и служила только для препровождения времени [6, с. 86]. М. М. Херасков обнаруживал в этом жанре огромный потенциал для введения аллегорий, возможность насыщения увлекательного повествования философской проблематикой. Его «бахарь», таким образом, является не просто забавным рассказчиком, помогающим скоротать время, а хранителем вечных истин, наставником.

Одна из важнейших задач, которые М. М. Херасков ставит перед собой в «Бахариане», — научить правильному чтению, проникновению в смысл художественного произведения. Без этого навыка ознакомление со многими книгами, в которых есть «сияние священной истины», бесполезно. К таким сочинениям М. М. Херасков относит, в частности, «Тысячу и одну ночь» [9, с. 437], мудрости которой большинство ее

многочисленных читателей не замечали, что заставляло Н. И. Новикова сетовать на то, что столь несерьезная книга продавалась значительно лучше, чем сочинения Сумарокова [5, с. 44].

Впрочем, подлинный читатель, научившийся понимать иносказания, вероятно, не только сможет оценить сокровища вековой мудрости, но и сумеет находить полезное для себя даже в более легкомысленной литературе. Можно привести в качестве примера эпизод из жизни А. Ф. Лабзина, также известного масона, мистика, рассказанный М. А. Дмитриевым. «Александр Федорович так был наполнен духом религиозного настроения, что он во всякой житейской вещи, во всяком, даже пустом чтении находил поучительное», — сообщает М. А. Дмитриев и далее передает слова А. Ф. Лабзина по поводу романа С.-Ф. де Жанлис «Рыцари Лебеда», который воспринимался как развлекательное, малосодержательное чтение: «Вот я читал сейчас, как рыцарь ходил тайно по ночам на свидание с дочерью Карла Великого, а ночью сыпал небольшой снег, и по следам дошли, и узнали обольстителя! При этом мне пришла одна мысль: что ничто дурное не скроется от Бога, и если Он захочет, пошлет обличение» [2, с. 844]. Здесь отразилась, на наш взгляд, не только настроенность на раздумья о духовном, но и навык расшифровывания символических образов, восприятие литературного текста как аллегорического. Таким образом, «квалифицированному» читателю практически любая книга могла давать пищу для душеполезных размышлений.

Итак, можно утверждать, что повествовательные стратегии «Бахарианы, или Неизвестного» нацелены на формирование правильных, с точки зрения автора, стратегий чтения, которые могут применяться читателем и при знакомстве с другими художественными текстами. Автор в ненавязчивой форме, в процессе дружеского общения с читателем наводит его на философские рассуждения и обучает находить смысл, который, как он показывает, может скрываться за самыми причудливыми вымыслами, видеть отражение закономерностей действительности даже в фантастических образах, извлекать из прочитанного нравственный урок.

---

1. Давыдов Г. А. Поэзия М. М. Хераскова и религиозные искания русских масонов // Масонство и русская литература XVIII — начала XIX в. / отв. ред. В. И. Сахаров. М., 2000. С. 130–143.

2. Дмитриев М. А. Воспоминания об А. Ф. Лабзине // Рус. арх. 1866. Стб. 837–856.

3. Карамзин Н. М. Илья Муромец // Аглая. М., 1796. Кн. 2. С. 171–191.

4. *Курешева Л. А.* Повести о богатырях в «Русских сказках» В. А. Левшина: сказочно-историческая модель повествования. Новосибирск, 2009.

5. [Новиков Н. И.] Живописец, еженедельное на 1772 год сочинение. СПб., 1772.

6. *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1, вып. 2.

7. *Творогов Л. А.* Как было открыто «Слово о полку Игореве» // Псков. правда. 1945. 14 нояб., № 215. С. 2.

8. *Тредиаковский В. К.* Предъизъяснение об Ироической Пииме // Сочинения Тредиаковского. СПб., 1849. Т. 2, отд-ние 1.

9. *Херасков М. М.* Бахариана, или Незвестный. М., 1803.

10. *Херасков М. М.* Пилигримы // Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. М., 1802. Ч. 3. С. 157–322.

11. *Херасков М. М.* Полидор, сын Кадма и Гармонии // Там же. Ч. 11.

М. В. Дудорова, Т. В. Цыганов

г. Екатеринбург

Пространственный образ «Кабак» в поэзии А. Блока и С. Есенина*

В России традиционно каба́к осознается не просто как питейное заведение, а как сложный культурный феномен, что обусловлено множеством исторических, экономических, политических и национально-психологических особенностей. «История кабаков в России», написанная И. Г. Прыжовым в середине XIX в., по сути своей стала историей страны сквозь призму «питейного дела», которое касалось всех сфер жизни народа. И. Г. Прыжов отметил важную психологическую особенность восприятия пьянства русскими людьми, которые «видели в пьянстве Божье наказание и в то же время, испивая смертную чашу, протестовали этим против разных общественных благ, иначе — пили с горя» [2, с. 5]. В фольклоре сохранился образ кабака как гиблого места, которое можно поставить в один ряд с таким традиционным для народного творчества

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых российских ученых-кандидатов наук МК-6962.2010.6.

© Дудорова М. В., Цыганов Т. В., 2012